

18+ Марина Леванте

Время пластмассовых богов

Сборник поэзии

Марина Леванте

**Время пластмассовых
богов. Сборник поэзии**

«Издательские решения»

Леванте М.

Время пластмассовых богов. Сборник поэзии / М. Леванте —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535437-2

Сборник поэзии Марины Леванте для тех, кто хочет отдохнуть от суеты, порою просто улыбнуться и забыться в рифмах обо всём. От лиричного до жёсткого, от иронии до сатиры. Нежные, мудрые, правдивые строфы унесут читателя в удивительный мир, в котором он проживёт маленькую жизнь.

ISBN 978-5-00-535437-2

© Леванте М.
© Издательские решения

Содержание

Время пластмассовых богов	6
Забывтый дружеский комплект	7
Подростковая любовь	9
Душевная вакханалия	10
Текучесть времени	11
Первозданность	12
Безумная река	13
Ночной кошмар	16
Суета сует	18
Придумай счастье!	19
Приватное	21
Сместившиеся полюса	23
То, что явь, а не сон	25
Грусть в глазах, печаль в улыбке	26
Я научился слышать тишину	27
Моя жизнь	29
Временный коллапс	31
Массовый человеческий грех	32
Начало марта потонуло в половодье...	34
Везение	35
Басня про свободу	36
Прости за то, что виновата	37
Нечто	39
Старый нищелюб	42
День дурака	44
Тишина на память	45
Пропасть между прощением и желанием простить	46
Гуманное лихо	47
Договор со злым сатиром	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Время пластмассовых богов

Сборник поэзии

Марина Леванте

Дизайнер обложки Анна Голицына

© Марина Леванте, 2021

© Анна Голицына, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-5437-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время пластмассовых богов

Стояла жаркая невнятная пора,
Когда и люди, будто бы устали,
Не от жары, от жизни в той жаре,
Устало волочили ноги,
По улицам без летнего дождя.
Когда асфальт весь жарился на солнце,
Потом он тёк куда-то в никуда,
И там же утопали ноги,
И люди дружною толпой,
Как будто бы устали ноги,
Не от жары, от жизни вот такой.
Шли все рядками на покой,
Туда, куда звала их та могила,
Где утопая в зелени густой,
Стояли лавки из деревьев,
На них присядут дружною толпой,
Не те, что уставали сильно,
А те, что принесут из проволоки свитый цвет,
И провожая в путь последний человека,
Усядутся на белую гранитную скамью,
Прогромыхав не смазанным железом.
Ибо теперь настала эра этих железяк,
Которые ваял живой ещё,
В том летнем зное человек,
Когда последнюю ногою,
Он утонул в асфальте навсегда,
И более не выбрался на волю,
Он знал, на смену он пришел,
Изобретенный человеческой рукой,
Убийца робот, что бездушно прошелестит,
Губами из пластмасс про то,
Что были раньше тоже люди,
Теперь пришла пора пластмассовых богов.
И солнце, выйдя из-за тучи,
Им улыбнется, будто это люди,
И жизнь пойдет тем чередом,
И тем проторенным путем,
Когда стояла жаркая невнятная погода,
Но роботы не плавилась при ней,
Напоминая прежних тех людей.

Забывтый дружеский комплект

Как ларчик просто открывался,
Когда друзей он в шкафчик убирал,
На время за ненужностью момента,
В шкафу, как кто-то,
Скелеты прятал навсегда,
Но с тем, чтобы достать однажды,
По новой другом тот скелет назвать,
Воспользоваться бывшей дружбой,
И снова за ненужностью убрать,

И так он жил, то доставал
То прятал, как кто-то свой скелет в шкафу,
Он же скелеты не из леты,
А тех друзей, что были у него,
То вспоминал, что есть и были,
И снова их из шкафа доставал,

То поносил, будто костюмчик,
Что изнашивался в тех невзгодах лет,
Он убирал и даже вешал,
На плечики тот дружеский комплект,

Порою открывал он шкафчик,
Что б убедиться, как богат,
Как много тех, с кем он уж выпил,
На брудершафт, потом забыл,

Забыл даже как звали,
Тот дружеский комплект в шкафу,
Да и какая разница как звали,
То был неодушевленный для него предмет,

Его друзья и все те люди,
К которым он благоволил,
Но те, которых не любил,
За то, что были все они комплектом,
Как будто куплены всё ж им,

Хотя никто не продавался,
Тем более ему, и никому,
Но он с рождения был подонком,
Считая что ему должны,

Все те, кого он называл друзьями,
И за ненужностью вешал в шкаф,

С улыбкой гнусной называя,
Скелетами в своём шкафу,

Всех тех, кто был живой, не мертвый,
Но для него то был всего комплект,
Неодушевленный тот предмет,
Которых называя он друзьями,
За их спиной скелетами всё ж звал,

Но вот однажды, так уж вышло,
Не смог он шкафчик свой открыть,
Не зная, что давно повесил,
На плечики не дружеский комплект,
А лишь одни свои мечтанья,
Которые разбились в прах,

Ибо вся дружба у подонка,
С рождения была в мечтах,
Но те, кто были из той жизни,
Где всё идет своим путём,
Не были всё ж скелетами,
Они были живыми,
Которые ему не дали,
Возможности открыть тот шкаф,

Чтобы он может, понял,
Ту разницу между людьми,
И тем, что называем мы скелетами из шкафа,
Из леты пройденных времен,
И потому оставили его без шкафа,
И без того, что он комплектом называл,
Меняя как перчатки, те костюмы,
На самом деле был он просто жуткий лицемер.

Подростковая любовь

Мы сидели с котом на дощечке,
Мне четырнадцать, столько ж ему,
Мы смотрели на город с дощечки,
Что тонул, словно солнце в аду,
Не закат, а восход полнолуния,
Мы встречали с тем старым котом,
Что из месяца станет луною,
И отвесит нижайший поклон,
Наклонив ту дощечку чуть ниже,
Что б увидели мрачность мы дня,
Где завис, что в тумане из дыма
Городской сероватый пейзаж.
Мы наденем с котом микрофоны,
И динамики в уши свои,
Были мы меломаны от бога,
Звуки музыки, что из души,
Рвали струны, несли в наши уши.
Все аккорды из нашей любви.
Ведь тот кот, что сидел там на крыше,
Что ровесником был, но не мне,
То был он, мой любимый и нежный,
Отголосок моей же любви,
Что подростком я поимела,
Недоростком тогда я была,
А теперь когда месяц все ж станет луною,
Повзрослею с ним вместе и я.
Даже сидя на той же дощечке,
Где внизу будут плыть города,
Вспомню я, как была тем подростком,
Что влюбилась в ночного кота.

Душевная вакханалия

Соцсети – это всеобщая помойка и попойка,
Когда как в бане, где тебе никто не друг
Ты обнажился полностью в своём уродстве
Иль красоту души всем молча преподнёс.

А эту душу дозволяется любому и отыметь,
И изнасиловать, пустив в разнос.
Ты всем доступен, будто тот Христос на блюде,
Что вышел к людям и сказал «Аминь»

И стая обезьян, что только было человеком,
Согласно закивала головой, расставив руки, ноги,
Отдавшись полностью на суд людской,
Что лишь гораздо в позу раком поставить
Ей кого ни лень, назвавшись голым братом
И спину заодно помыть, и санонировать толпой.

Что обезьяний вождь, что мастурбировал прилюдно
Бесстыдно самку он потом имел,
Что тот король, что вышел абсолютно голый
И был унижен собственной толпой.

Так совершать прилюдную помывку,
Горазд ни человек, а антипод его,
Что был когда-то дикарём,
Но, обозвавшись человеком,
Не захотел уйти от тех корней,
Откуда только вышел,

Так и оставшись голым королём,
Среди лесных мартышек
Из эры недоразвитых людишек,
Устраивающих вакханалию души,
Что сродни групповому сексу,
Где все равны, и одинаково бесстыдны,
Как обезьяна, у которой всё равно,
И так всё видно.

Текучесть времени

Текучесть времени во всём,
В непревзойденности, в ином,
В той монолитности времён,
Когда песок становится, что камень,
И из которого уже не выбить ничего,
Наскальный лишь рисунок,
Тот, что коснулся лёгко пещерного песка,
И там завис, казалось вечно,
Но время слишком быстротечно,

И смотришь, это уж не монолит,
А лишь в скульптуру он отлит.
Тот, что хотел быть вечным,
Раскрошится спустя года,
Уйдет, как прах, в песок зыбучий,
И там навек останется плавучим,
Что будет временем из грез,
Текучестью времен,
Из непревзойденности во всём,

Когда захочет снова самоутвердиться,
Забыв о той текучестьи времен,
Войдёт он снова в фазу артистизма,
И на минуту станет вековым огнем,
Что вновь потухнет, как и время,
Что не стоит на месте, а течет вперед,
Как хрупкий час, что был отпущен,
На познание истины и бытия,
Который не считаясь сам с собою,
Закончился в один прекрасный миг,
И ты познал одно, то что текучесть, во всём,
Не только в времени и в нём,
В том монолите всех твоих желаний,
Который тоже призван течь.

Первозданность

Фонтан глубоководный, словно та река,
Что уходила вдоль лесов, полей,
Все берега с собой сбирая,
Не забывая небо сизое забрать с собой,
И солнца луч, что в той реке купался,
Когда фонтаном из множества озер
Она в ту даль тянула,
Всю девственность лесов и тот простор,
Что в той природе зарождался.

Потом по камням водным шёл ты не спеша,
Не потому что обмельчали реки,
И стали только берегами от реки,
Нет, ты шел по дну фонтана той реки,
И думал, что сумел уплыть, куда подальше,
Когда, как в омут с головой она тянула лес и поле.

На самом деле ты тонул, коснувшись дна руками,
Но не утоп, как тот, что кинулся с обрыва в реку,
А просто ощутив руками дно,
И каменистость всю речную,
Ты поглотил ту первозданность,
Что всегда звала с собой той речкой,
Что фонтан глубоководный,
Позволившей тебе так думать, не гадать,
Ведь ты и сам из той природы вышел,
Что завсегда той первозданной редкой красотой была.

Безумная река

Мы все стояли над темнеющей рекой,
Несущей молчаливо вдаль,
Куда- то свои воды,
Что ударялись о каменистые пороги,
Как будто человеческие руки,
Что так же молча хватались за камни под водой,
Они их разбивали в кровь,
Что в мелкие песчинки,
Ложащиеся на том лице, что те морщинки.

Мы наблюдали, как молчит река,
И как вокруг белеют берега,
Украшенные мелкой шустрой галькой,
Что скатывалась, будто бы колени человека,
Куда-то вниз, к тем водам, что не из мира,
Всё так же молча, угрожающе неслись,
Куда-то в неизвестность эту, вниз.

Там, всё ловя те камни, что речные,
Темнее и серее, что на свете нет,
Та мрачность дня и жизни,
Что на закате своего конца с началом,
Нам говорила, это всё пустяк.

Те камни, та река,
Что молча вдаль она несла,
То наши жизни, не давая,
Нам задержаться на пороге дня,
Что б постоять и оглянуться,
Возможно, даже улыбнуться,
Увидев, что-то кроме пустяка,
Того безумного всё ж дня,
Что начинаясь в нашей жизни,
Желал заканчиваться вновь.

А та река, всё громыхая,
Камнями по израненной душе,
И оставляя нам те раны,
Что на руках, которыми хватались мы,

За край той жизни, что не будет
Нас радовать вновь наступившим днем,
Став тем багровым окровавленным концом,
Когда хотелось всё же жить,
Пусть даже стоя над той,

Текущей вдаль рекой,
Хоть помечтать, пусть не имея,
О том, куда течет она.

В то безвоздушное пространство,
Где нету рая, ада на земле,
Где равновесие меж жизнью-смертью,
Нам позволяет бесконечно долго жить,
Не раздирая в кровь колени, руки,
Не думая о том, как стукнешься о те пороги,
И разобьешься навсегда,

И станешь, как та безумная река,
Что и сама совсем не знала,
Куда она течёт, течёт,
Лишь понимала, что в ту безыизвестность.

А нам хотелось всё же знать,
Чтобы не стремиться снова вспять,
Туда, где все мы побывали,
Куда возврата нету нам,
За теми же воротами из ада,
Туда, откуда по обычаю не ждут.

И если б только знали,
Куда течёт та мрачная река,
Вот так бы молча не стояли,

И зная, что эта ведь она, судьба,
Та тихо вдаль текущая река,
Что приведёт нас в никуда.

Но нам хотелось, нам боялось,
Той неизвестности мирской,
И потому стояли, лишь молчали,
Всё думая о милом пустячке,
Что нам позволит обхитрить ту реку,

И не входя в неё, расправиться с судьбой.
С тою судьбой, что вечная злодейка,
И даже притворилась рекой,
Чтобы могли бы мы не плача,
В ней потонуть, не уплывая вдаль,
Ведь эта тут она хозяйка,
Мы только те, что смотрим, стоя над рекой,

На наши жизни, что плывут,
Касаясь той речки тёмной, тех камней,
Которые мы всё ж не миновали,

Сколь долго-долго не мечтали,
Все стоя молча над темнеющей рекой,
Несущей вдаль куда-то свои воды,
Куда-то в неизвестность всё же, а не вдаль.

И от того мы не мечтали,
А опасались и стояли,
В преддверии своей судьбы,
В надежде, что всё же не потонем,
Стоя в молчанье у реки,
А поживём ещё немного,
Пускай не у границы ада с раем и реки,
Пусть в том пространстве,
Где мы дышим, и иногда чуть тяжело,
Но дышим, хоть и тяжело,
Что значит живы, это сила,
Могущества той же темнеющей реки.

Ночной кошмар

Мрачность призрачного дня,
Что была я не одна,
Мне навяла тот сон,
Где одна я и в пустыне,
И кругом я в ледниках.

В тех, что рано или поздно
Откопали в рудниках.
Там нашли слонов, что мамонт,
Замороженный в слезах.

Тех, что так и застывали,
Мамонт плакал и страдал,
Слезы, будто град морозный,
Так и стыли в тех глазах.

В общем, ночью мне приснилось,
Что я мерзну в ледниках,
Согреваю телом душу
Того милого слона,
А его слезинки- льдинки,
Тают прямо на глазах.

Это мне приснилось ночью,
После ненормального всё ж дня,
Когда трубы надымили,
Аммиаком уладили,
Воздух, тот что мне мешал,
Думать мыслить в том квартале,
Где стоит та химгора.

И она хотя давно в печали,
Просто не работает она,
Мне понятие, что раньше
Извергала она пыль,
Не дает теперь уняться,
Потому и мрачность дня,
Привела к тому кошмару,
Где слоны были и я.

Там, застрявшие во льдинах,
И когда тепло мое,
Больше мамонта не грело,
Стыла я, под одеялом,
Лежа в доме, где тепло,

Грели жутко батареи,
Там же замерзала я.

Потому и утром ранним,
Отбивали молотком
Мое тело от кровати,
Поливали кипятком,
Я примерзла все ж к дивану,
На котором мамонт спал.

Он лежал со мной в постели,
В ледниковых облаках,
Рядом я, почти что айсберг,
Посреди седых морей,
Сонно чавкал этот айсберг,
Тот, что был моим теплом.

Потому и слон, не мамонт,
Что приснился ночью мне,
Взял и хоботом мне в ухо дунул,
От чего проснулась я,
Вся в поту, под одеялом,
Что укрылась с головой,

За окном светало рано,
Я вставала каждый день,
Я почти не высыпалась,
Видя ночью и во сне
Дурака того, что мамонт,
Что застрял в том леднике.

Ну, а то, что я ледышка,
Та что маялась во сне,
Это уже было слишком,
То, что там приснилось мне.

Суета сует

Прими, как дар судьбы,
Всё, что имеешь,
И жизнь свою, и даже смерть,
Как избавление от жизни,
В которой не было
Всё только очень хорошо,
Где ты борец, где ты боец,
Идущий против ветра,
Сражающийся за судьбу,
Которая тебе дарованная свыше,
Вот и прими тот дар судьбы,
Где не могло и быть иначе,
Сколь не сражался ты,
Борясь всё за удачу,
Борясь бессмысленно со смыслом,
Которого в помине не было и нет,
Просто не трать ты, понапрасну время,
Не то, что выпало тебе,
А создавая суету мирскую,
Там где и так всё суета сует,
Просто живи и наслаждайся,
Тем что даровано тебе.

Придумай счастье!

Как можно так не радоваться жизни,
Которая так коротка,
Мгновениям, что пролетают быстро,
Которые не видишь свысока,
А сидя на земле, только страдаешь,
И краткость жизни ты усугубляешь,
И отравляешь собственное счастье,
Которого на самом деле нет.

Но ты не в состоянии его придумать,
Тогда, когда сидишь страдаешь,
И правду жизни извлекаешь,
Ту правду, что в помине не было и нет,
Ну, вот такой он, этот человек,
Возможно, где-то правдолюбец,
Возможно где-то он боец,
За те всё ж странные мотивы,
Которых не было и нет.

А коли нет, коль не бывает,
То за какую правду он страдает,
Все сидя так же на песке,
И строя замки негатива,
И отравляя жизнь себе,
Ту самую, что коротка и мимолетна,
Когда закончится она, ты только осознаешь,
Как ты не жил, а лишь страдал,
Придумывая муки, которых ведь могло не быть,
Ежели бы не твои досуги.

Те самые, которыми ты занят был,
И вовсе ты, как будто бы не жил,
Вместо того, что б всё же жить,
И даже может, не тужить,
Но тот момент всё не давал тебе покоя,
Которого ты долго ждал,
И наконец-то, он настал.

И вот дождался! Стоя молча,
У смертного того одра,
И так же думая, а на хрена,
Ну, на хрена же я не жил,
А всё тужил, тужил, тужил,
Как бы обратно всё вернуть,
Чтобы бы иначе мог пройти я путь?

Хотя горбатого могила не исправит,
И я бы снова начал бы с того конца,
Когда не радовался жизни,
Просто не зная, как она же коротка.
Но и возможно хороша,
Когда ты сам себе не отравляешь
Минуты счастья, бытия...

Приватное

Подумать только, в жизни как бывает,
Лишь только человека другом называя,
Ты узнаешь о том, о чём бы мог не знать,
Пустив его в своё же личное пространство.

И тут же умный станет дураком,
Которому всё нипочем,
Душевность превратится в эгоизм
И интерес, завернутый на собственной персоне,
И честный может стать лгуном,
Которому всё тоже нипочем.

Почём пустил ты чужака,
Спроси всё же ты сам себя,
В своё же личное пространство,
Где он из человека гнидой стал.

Ведь знал закон, не лезь ты на рожон,
Когда людей со всей планеты,
Решил друзьями ты называть,
И всё вернул же сам ты вспять.

И интересы ваши разойдутся,
На круги прежние вернутся,
Коллега это тоже тот же он,
Когда переходя ты рубикон,
Пустил его в свое пространство.

Попутал статус друга и врага?
Но всё это не та беда,
Когда ты в гости всех позвал,
В сравненьи с тем, что ты узнал,
А так бы вовсе и не горевал.

Так помни всё же, ближе той руки,
Что расстоянье отмеряет
Между тобою и людьми,
К себе мы никого не подпускаем,
Чтобы потом же самому
Вновь не искать поддержку,
Узнав ещё раз наяву,
Что личное, приватным лишь бывает,
Оно для редких лишь гостей,

Которых много не бывает.

Сместившиеся полюса

Зима, что началась весною,
Насыпав снега нам в глаза,
Сместила полюса понятий,
Не в головах, а в наших лишь мечтах.
Когда зимою мы мечтали,
О льдинках, о морозном снежном дне,
Не думая о том, что он весной настанет,
И вдруг придет суровая зима.

Заставит нас не выходить из дома,
Ведь мы смирились с тем, что нет зимы,
Уже порадовались тёплым зимам,
Что сродни смены полюсов.

Когда весна, будто бы забыла,
Что наступает на ноги зимы,
Которая к нам даже и не приходила,
Стучалась, может, стоя на пороге дня.

Когда увидеть мы её всё ж не сумели,
Суровость вся ушла в земельные поля,
Что не покрыла вечность снеговая,
И не укутала в снега.

К чему привыкнуть мы успели,
Привыкнув к мысли той,
Что будем жить уж без зимы,
С той вечной раннею весною.

Которая приходит в позднем марте,
И не уходит вечно из души,
Даже когда студёные морозы,
Сковали речку, окна и крыльцо,

У дома, что теперь, как прежде,
Как осенью, иль летом, иль весной,
Стоит совсем раздевшись пред народом,
И даже не успев надеть тот свой наряд,
Что белый, яркий из снежинок,
И ярких льдинок, по которым,
Скользил народ, когда он выходил из дома.

Теперь забыв, что так бывает,
Он гордо с зонтиком шагает,
Не надевая шубу, шапку, тёплый шарф,

А как весной в плаще и в сапогах,
Он бодро шествует по зимним тропкам,
Не помня, что такое есть зима,

Которая пришла, как и желала,
Легла своим укутанным теплом,
На землю мягко опустила руки,
Что мы по-прежнему, зовём зимой.

Но оказалась, то весна,
Иль осень, та, что и без снега,
И без знакомого морозного денька,
Когда мы зиму проводили,
За ней пришла привычная пора.

Но вот же надо, с тем же снегом,
Что ждали с нетерпением в январе,
Потом настал ещё тот зимний,
Февраль, тот месяц, что ещё зима,
Что тонкой гранью пролегает,
Между зимой и теплым днём,

А мы уже его не ждали,
И в марте выпали снега,
С тою, февральской снежной выюгой,
Перенеслись в весну-красну.

И точно сдвинулся тот полюс,
Границы лета и весны,
И север вдруг попутал запад,
И всё кружилась в голове,
Та память, что зимой со снегом,
И летом с яркою листвой,
А осень с ливневым дождем.

Так было раньше, но не нынче,
Когда сместились полюса,
И мы весною, что не ждали,
Встречали вечные снега,
Всё кутаясь привычно в пледы,
Хоть за окном была уже весна,
Но вот сместились полюса...

То, что явь, а не сон

Я сегодня проснулась от страшного стука,
Мрачно, тяжело бывшего по голове,
То была не совсем та реальность,
То приснилось мне в страшном том сне,

Где смешались картинки моих сновидений,
А на самом деле я всё же спала,
Всё равно было муторно тяжело
Сознавать, что стучали по мне.

Хоть и в том моём сноведении,
Где попуталось абсолютно всё,
Где смешалась реальность с прошлым,
С будущим, даже с тем моим сном,
Где так сильно стучали по сердцу,
Не давая себе отчёт,

В том, что делают мерзкие твари,
Нанося мне удар по душе,
Ведь она- то как раз и не спала,
Снился сон лишь моей голове,

А душа моя молча страдала,
Понимая, что всё не во сне,
Когда сон всё рождал тех чудовищ,
Что всё били во мне по душе,
Всё те мерзкие, глупые твари,
Что не ведая, делали зло.

Ибо было всё это и будет,
Так сказала картинка в том сне,
И проснувшись от стуков суровых
В настрадавшейся голове,
Поняла, что тот сон был всё же явью,
Где столь сильно избili в душе,
Отголоском из тех же реалий,
Где всё ж не было, всё хорошо.

Грусть в глазах, печаль в улыбке

Грусть в глазах, печаль в улыбке,
Будто маски две в одном,
Комедийного актёра,
И трагедии в одном,
В том лице полупечали,
Что рисована пером,

Будто дива Мона Лиза
С неразгаданной судьбой,
Он смотрел и улыбался,
И в глазах печаль таил.

Что сказала Мона Лиза
До сих пор гадаем мы,
Тоже так же улыбалась,
Странно в мир глядя на всё.

Так и он, что мим из сказки
Про законченную жизнь,
Где слились в одном спектакле
И трагедия, и фарс.

Он же глядя с той улыбкой,
И с печалью в тех глазах,
Продолжал всё ж улыбаться,
Грусть копя в своих глазах.

А потом в финале жизни он сказал,
Что то не сон,
Не игра из двух спектаклей,
Просто жизнь такая есть,
Где-то грусть, а где улыбка,
Как на полотне из Лувра том,
Где сошлись не просто маски,
Где означена вся жизнь.

Я научился слышать тишину

Я научился слышать тишину,
Где даже нет её в помине,
Сквозь грохот улиц и домов,
Я вечно слышу тишину,
Несущуюся, словно ветер,
По крышам городских домов,
Срывая всё со свистом по дороге.

Той, что асфальт, а по нему,
Всё с грохотом несутся шины,
Угарный газ из труб машин,
Он тоже слышен в этой нише.

Ведь это то, что было раньше тишиной,
И то, чего теперь и нет в помине,
Но я соскучился по тишине,
Я слышу её даже,
В журчании воды из крана,
И в звуке утренней росы,
Там, где и не было её в помине.

В том вечном грохоте дорог,
Домов и мостовых убогих,
Я просто глохну от того,
И наполняю тишиной
Те мнимые моменты,
Где быть не может тишины,

Но я же её слышу!
И кажется, порою, вижу.
И в том порыве ветра,
В скрипе двери,
Что с грохотом закроеется потом,
В собачьем лае, в треске балок,
В шумящем грохоте машин.

Наверно, просто я скучаю,
И так хочу услышать тишину,
Что наконец, когда её я слышу,
Ту истинную тишину,
Стремительно ворвавшуюся в душу,
Когда сквозь этот грохот вдруг
Прорывалась истинная тишина,
Я млел от счастья, думая что умер,
Но наконец, услышав тишину,

Которой не было в помине.

Моя жизнь

Свою я жизнь почти что прожила,
Пускай еще не до конца,
В ней было много из такого,
Чего забыть хотела б я.

И я забыла, нет, хранила в памяти своей,
Дела давно минувших дней,
Но это были дни, недели,
И годы жизни, прожитой давно,
В которой были и потери,
И где себя не потеряла я.

И потому, глядя на то, что было,
Мне кажется, то было не со мной,
Давно утихли все и боли,
Душевные, что поросли быльем,

И было много там смешного,
Вернее, это я смеялась там,
Где кто -то плакал бы, однако,
А мне всегда было смешно,

Как будто жизнь моя была,
Сплошным несчастьем,
Приправленным одним большим смешком,
То я умело исправляла,
Всё то плохое, что могло бы быть.

Оно и было, правда я над ним смеялась,
Что мне позволило туда глядеть,
Туда, где жизнь та проходила,
В которой не всегда всё ж было хорошо,
Без капли горести и сожаленья,
Как будто книгу я прочла,
Которая была не про меня.

И потому, когда мне кто- то,
Выражает пониманье,
Глядя с сочувствием в лицо,
Всегда мне хочется сказать такому,
По-моему, поздно мне сочувствовать давно,

Вам так не кажется, однако?
А я так думаю и я права,
Что то, что было, это было,

Оно случилось давно,

И даже при ином раскладе,
Вернуть все на круги своя,
Чтобы всего не повторилось,
Что б не сочувствовали мне,

Ну не получится, как не старайся,
Как молодость обратно не вернуть,
Она была, уже почила,
Настали новые всё ж времена,
В которых я ещё жива.

И собираюсь дальше жить,
Не для того, что б вы тужили,
И в спину мне же говорили,
О том, какая жизнь всё ж у неё была,
Вы, знаете, какая б не была,
Она всегда была моя.

Временный коллапс

Вот рухнул снег,
Но не нарушил время года,
Не прекратил прилета птиц,
Их радостного щебетанья,
Что означал приход весны,

То легкий катаклизм,
Случившийся весной,
Когда обрушились снега,

И даже чуть мороз ударил в окна,
Но не сковал стекло,
Не заморозил инеем окно.

Там за окном стучали клювом птицы,
Напоминая, что весна пришла,
И прогоняя зимние коллапсы,
Куда подальше от себя.

И день, чуть тронутый седой поволокой,
Не задержался долго,
Ночь прошла и он ушел,
На утро вновь стучались птицы в окна,
И щебетали громко радостно на все лады.

Ведь удалось им обхитрить,
Те зимние проделки,
Просто прогнав зиму,
Что так случайно
Обрушила свои снега,
Так и не смогла она вступить в права,
Лишь чуть сказала временным коллапсом.

Массовый человеческий грех

Люди в жизни совсем не меняются,
Жизнь меняется, люди – нет,
Будто тот первородный грех.

Странно. Жизнь меняется,
Люди тоже меняются в ней,
По отдельности – нет.

В общей массе они всё ж меняются,
Как и жизнь, что меняется в них,
Мне всегда казалось обратное,
Жизнь меняется, люди – нет.

А ведь жизнь не стоит на месте,
Вместе с ней не стоит человек.

Тот дурак он становится дурнем,
Тот злодей он становится злом,
Заражая своим злодейством,
Окружающих в мире людей.

Их манеры, что были хорошими,
Стали очень плохими в момент.

Ведь меняется жизнь и не к лучшему,
И меняет она же людей.
Странно мне казалось иначе,
Но ошиблась я как и всегда.

Получив от противника сдачи,
Стала злее и сильно я.
Тоже шла я со временем в ногу,
Отбиваясь от тех же людей,
Что жестоко трясли мою плаху,
На которой лежала я.

Потому и вместе со всеми
Изменилась сильно и я.

Стала злее и беспощаднее,
В жизни той, что ушла вперед,
Оставляя каждого прежним,
В общей массе же изменяя всех.

Странно, жизнь меняется,

Люди в ней тоже,
Мне казалось всегда, что не так,
Сильно я, как всегда, ошибался,
Сильно жизнь всё ж ушла вперёд.

Портит жизнь всё ж людей
Как невинность,
Что насилует первородный грех,
Совершая уже не невинность,
А тот массовый человеческий грех.
Приравняв его, грех первородный,
К первобытному вечному злу.

Начало марта потонуло в половодье...

Начало марта потонуло в половодье,
И в вечной дымке по весне.
Когда прогалины покрылись редким снегом,
Что превратились в первые ручьи,
Что по весне стекая лихо,
Журчали весело в лесу,
Всё обнажая сыру землю,
И легкие её освобождая,
Чтобы она могла дышать.

Все скидывая тот покров суровый,
Что оставался от зимы,
Чтобы завеса из-за леса,
Туманом покрывая небеса,
И задевая кромку леса,
Высвобождалась от снега.

Когда и солнце, что из-за стоянья,
Затмит весенний тот простор,
Пригреет землю, и растопит веси,
Дороги, что в зиме застыли, словно лёд.

И по окраинам по лесу,
Пойдет щебечущий прилет,
Что прилетит из дальних странствий.

И окунется в половодье на тех лесах,
Где по прогалинам журча стекали.
Снега растопленные по весне,
И вместе с птицами журча кричали
О наступлении весны.

Затем шурша туман стелился,
Он тоже громогласно возвещал,
О том, что зиму он уже устал бояться,
И что пришла весенняя пора.

Когда зашелестят в деревьях листья,
Не только зазвенит весенняя капель,
Когда всё хоровое пенье уж не приснится,
А попросту войдёт в свои права,
Сказав то попросту, пришла весна!

1 марта 2020 года

Везение

Нам везёт в этой жизни на редкие вещи,
Разве может везти абсолютно на всё?
В этой жизни мы краткие редкие гости,
Словно пришлые ветки на дереве жизни том,
Потому не успеть обрести нам везенье во всём.

Повезло с человеком и это удача,
Повезло самому тебе и с собой,
Это есть то везение и не иначе,
Как кому-то везло на хороших людей,

Долго здесь задержаться не сможем,
Чтобы всё получить и себя, и друзей,
Потому нам не стоит смотреть на удачу,
Как на что-то такое, что не вышло теперь.

Ты и сам, что та капля, песчинка из жизни,
Путь твой короток и не гонись,
За чужою удачей, а будь со своею,
То фортуна тебя одарила судьбой,
Быть удачливым в чем-то другом.

Все мы разные и непохожие,
Почему же нам всем,
Та удача должна быть, одинаково схожею,
Словно все мы с похожей и общей судьбой.

Басня про свободу

Свободу всем! – кричала обезьяна, сидя не на пальме,
А на высоком пне, казалось ей свободы мало,
Та тень от пня, что пальмою был иногда.
Жила та обезьяна в окружение джунглей,
Где были социумные вожаки и правила своей игры,
Мартышка грезил же о свободе,
И потому кричала матом: Свободу всем, свободу!
Сидя верхом на пне, которого считала пальмой,
Всё ползая ужом, считала себя вольной птицей,
Лишь потому, что сон приснился ей такой:
Она – хозяйка джунглей, а остальные подчинённые её,
Те самые, что были социумные командиры,
Во сне у обезьяны на посылках были.

Но утро глянуло в оконце, и обезьяна расцвела,
Проснувшись, думала, что то вся правда,
Про сон, про ту свободу, про себя,
И потому сидела гордо на пне, считая пальмою его,
И всё кричала иллюзорно: Свободу мне, свободу!
Но лишь до той поры она кричала, пока ей тот же командир,
Не оторвал её же чёлку, что трепетала на её безумной голове.
Хватило разом обезьяне такого чудного рывка,
Она, как будто, пробудилась, от чудных снов, не про себя,
И больше обезьяна не кричала, а молча созерцала мир,
Где были социумные командиры, которые могли не только челку
оторвать.

Прости за то, что виновата

Прости, что родила тебя я,
И долго мучалась рожая,
Потом любила больше, чем себя,
Прости за то, что я такая,
И что могла, тебе дала,

Дала не то, что ты хотела,
Но больше дать я не могла,
Я исчерпала всю себя, хоть не хотела,
Ведь знала как закончится тогда.

Теперь я вот такая,
Я виновата и во всем,
В том виновата, что ты есть такая,
Какою, всё давая, сделала тебя,

Себе не нравишься... я виновата,
Ты мучаешься, ну, прости,
И ты прости, что я живая.
Что я жила и буду жить,

Прости за то, что не такая,
Какую ты хотела видеть мать,
Прости, что всё тебе, давая,
Взрастила эгоизм в тебе,

Но я такая, я не знала,
Что, если всё давая,
В ответ получишь:
Лучше б не дала!

И потому вина за всё на мне,
На мне всегда, кругом я виновата,
И в том, что жизнь моя такая, не другая,
И в том, что жизнь твоя иная,
Что всё менялось, я не успевала,
Тебе давать, что хочешь ты,

И потому прости, прости, прости,
Прости за то, что ещё будет,
За то, что было и что есть,
За то, что я ещё живу на свете,
За то, что буду ещё жить,
Всегда с виною, за спиною,
Груз тяжести тащить с собой,

В том, что всё сделала как надо,
А надо было всё не так,
Но ты прости, я виновата,
В том что жила и буду жить,
Хотя кого винить ты станешь,
Коль я умру и не скажу,
Прости за то, что виновата.

Нечто

А что такое нечто?
Нечто такое, что никто не знал,
Когда ты хочешь нечто,
Нечто, ну такое,
То тут понятно, что это такое.

Но есть такое нечто,
Которое никто ещё не знал,
Оно из области той вечной,
Где не сошлись миры
В единственный портал.

То нечто, что не познано,
Ибо не видено живыми,
И вот за это нечто борются на смерть,
Когда друг с другом не знакомы,
Сражаются за нечто тот вопрос,
Что кажется такое весьма странно,
Как будто это сумасшедший дом.

Не видишь и не слышишь человека,
Про знаешь, речи вовсе не идет,
Кидаешь словеса из черных букв в компьютер,
Потом сидишь и ждешь ответ,
Сейчас, вот-вот поступит то, что ждал ты нервно,
И сможешь нечто ты сказать,
Опять про нечто, нечто, что не видишь,
Возможно, знаешь, слышал где то звон.

Но ты обсудишь сам с собою,
Ибо ты не знаешь никого,
Ты просто сидя у дисплея,
Ведешь неслышный разговор,

Тот собеседник где-то в виртуале,
Он тоже нечто для тебя,
С ним ты обсудишь это нечто,
Возможно, грязью обольешь,
Она сойдет той виртуальной селю,
И не заденет голубой экран,
То нечто, что полил ты грязью,
Тот тоже, что сухой останется, как гусь.

Он тот, что нечто, что никем не понят,
А ты же, тоже нечто что-то с чем-то,

Ты нечто тот ещё дурак,
Что тратит время у экрана,
На разговоры с нечто ни о чем.

Со стороны же глядя в это нечто,
Похоже, что ты видишь сумасшедший дом,
Где сидя молча по палатам,
Те психи борются с собой,
Сражаясь не на жизнь,
А на смерть, за нечто быть всё же собой.

У них это и не выходит,
Сколь долго, ленно не сражаются они,
Будто зелёные кузнечки из фильма тоже ни о чем,
Где было нечто, что никто не понял,
Все горько плакали потом,
Срывая маски всё с экрана,
Пытаясь в нечто разобраться, что по чём.

А нечто, что было из нечто,
Смеялось тихо над собой,
Ведь был то все же сумасшедший дом,
Где люди все, что пациенты,
Привычно говорили обо всем,
Но будучи наедине с собой.

А как иначе, если глядя тупо,
В экран светящийся в сети,
Ты видишь вроде бы там друга,
А друг же видит лишь себя,
Ты говоришь ему: – Послушай.
А он к тебе, что глух и нем.
Ты же упорствуешь в своём.
– Давай поговорим о том, что нечто.
Поспорим, что ли, тоже всё о нем.

Друг, молча буквы выбивает,
И кроет матом, что по чём,
Его же интонаций ты не зная,
Ты лишь угадываешь речь,
Ты не читаешь книги иль газеты,
Про то, что в жизни может быть,
Ты сам живешь в этой газете.
И это нечто, что шутить с огнем.

Когда твои горящие мотивы,
Будет читать не знамо кто,
И это еще лучшее начало,
Ибо ты можешь вовсе и не узнать,

А что прочёл он из того начала,
Прочел вообще, иль выбросил в окно.

Ты не узнаешь, затаишь обиду на то же нечто,
Это будет нечто! Твоя обида и ты сам.
Тебя не пичкали таблеткой,
Ты просто сам сошёл с ума,
Всё не на жизнь сражаясь, а за нечто,
В борьбе которой ты простой дурак.

И это лучшее начало,
Ибо конец печален был,
Опять то нечто, ты, компьютер,
Твои посты про нечто, про себя,
И всё такая же белиберда,
Словно пустое место в жизни,
В котором ты и то же нечто,
А что такое нечто, не знает до сих пор никто.

Старый нищеврод

Мы там нужны были, как те рабы,
Где были дети, что не без беды,
Где были те менты, что воровали,
И люд простой не защищали,
Бомжей хватало, только их скрывали,
И ложь, что нас ждала,
Почти что в каждой подворотне.

Ты не сумел бы сделать шаг,
Чтобы не попасть в тот буерак,
Который бы назвали лесом,
И начиналось всё с верхов,
Просто хватало и слепцов,
Глупцов и просто легковерных.

Теперь прошло уж, 30 лет,
А вы всё стонете по правде,
Которой не было и нет,
Из той же подворотни,
Где повылазили бомжы,
Заняв свои места-посты,
Где те верхи вдруг перестали врать
И поснимали лицемерно маски,

Которых не узнали вы,
Всё слепо веря, уж и без нужды,
В того вождя, которым был баран,
А вы его овечье стадо,
Что собралось спустя года,
На паперти и на закланье,

Поговорить о тех годах,
Соврать себе в печали,
О том, как было хорошо тогда,
Когда без устали всё ввали,
И вам же в душу всё плевали,
Поставив целью сделать из людей рабов,
А сделали ещё слепцов, глупцов.

И вот спустя всё это время,
Как эволюции оплот,
Всё тот же старый нищеврод,
Про ложь, про правду и про эшафот,
Куда взвели морали на тему веры и добра,
Но отчего моральней вы не стали.

Вы так и продолжали свой поход
В ту сторону, где вас всё ждёт,
Тот вождь-баран, что подтвердит,
Что были вы всё ж правы,
Когда глотали ложь с враньем,
И этим же страдали.

А как иначе, ведь откуда вас,
Народных масс, взялось,
В таком количестве от нас,
Готовых биться за обман,
Не зная истины про нас,
Что редька, этот тот же горький хрен,
Что ложь, что лицемерный тлен,
Который слаще правды не бывает,
И от того порядочности в вас не прибывает.

День дурака

Шутил апрельский первый день,
Ибо весной он звался,
А с крыш домов не капала капель,
Там в зимней стуже нависали глыбы ледяные,
Сосульками свисая вниз, но и не тая,
И под ногами громко хрумкая,
Хрустела ледяная корка.

И то не шутки, то была зима,
Укрывшая побеги белым снегом,
Апрельской снежной вьюгой замела она,
Тропинки, что уже почти блестели,
И запахом весны вокруг краснели.

А тут откуда не возьмись,
С первоапрельской шуткой,
Сосулька с грохотом упала вниз,
И даже не озябли ноги,
Что с силою ударили по ней,
Лишь потому что думали, что это шутка.

Но так ведут себя лишь дураки,
Не верящие, что весной зима бывает.
И потому точь-точь на первое число,
Она шутить не стала.

А просто весь апрель, когда заволокло
Зимою, льдинами и снегом,
Она сказалась дурочкой такой,
И с шуточкой, со смехом удалилась,
Но не закрыв же прочно за собою дверь,
Чтобы могла вернуться,
Возможно даже в мае или может, в январе.

Но вот шутить, как первого числа того апреля,
Она не будет больше никогда,
А только в явный первый день тот дурака.

1 апреля 2020 года

Марина Леванте не шутит: апрель и зима.

Тишина на память

Шел я как-то в полночь по дороге,
А вокруг стояла тишина.
Я играл, как в кегли, с тишиною,
Разбивая шаром шум тех мнимых лет,
Что не дали мне возможности когда-то,
Слышать и услышать тишину.

А сейчас в ту полночь на закате жизни,
Я всё шел вперёд и не смотрел,
На прохожих, на стучащих в рельсах маски,
Тех железных и грохочущих машин,

Их тут не было и это было просто,
Я шел мимо тяжких дум своих,
Наслаждаясь только той игрою в кегли,
Когда шар кидал в грохочущую жизнь,

И не слышал даже дребезжанья стекол,
Тех, что разбивались в пух и прах,
Как мои надежды на удачу,
Полностью разбились, навсегда.

Что б сейчас я мог идти навстречу далям.
Зная, что меня ждет тишина,
Та, которую я ждал ещё вначале,
А услышал только вот сейчас.

Потому и шёл я по дороге молча,
Слушая, боясь нарушить тишину,
Чтобы не узнать, что за горизонтом,
Больше не увижу ничего.

Но зато я буду там в печали,
Слушать наступившую навечно тишину,
То чего мне в жизни не хватало.

А теперь я буду тут,
В тех своих надеждах и мечтаньях,
Что разбились в жизни в пух и прах,
Что венчали путь мой весь в страданиях,
Подарив на память тишину.

Пропасть между прощением и желанием простить

Простить могу, давно простила,
Забыть всё как-то не могу,
То свойство памяти, которая не отпускает,
А держит цепко-крепко в объятиях своих.

Возможно, до конца и не простила,
Хотя всегда хотела и за всё прощать,
Но вот момент предательства не позабыла,
Хотя по-прежнему верна была.

Все скинуть на не лучшие условия той жизни,
В которой предали меня,
Не вытащив всё ж из огня,
Когда огонь той адской боли,
До каждой мышцы поглощал меня,
И я кричала, не прося пощады,
Ну, просто боль невыносимо жгла,

Мне говорили, что не надо,
Так разговаривать хотя болит,
Я не пыталась зажиматься,
Боль тоже не желала отпускать меня,
Когда предательство то состоялось,
Уже и выздоровела я.

И что мешало мне забыть о той же боли?
О ней забыла я давно,
Я помню только как всё ж предавали,
Давно простив и навсегда,

Оставив в прошлом все детали,
Но чёрт возьми, они же жгли!
До сей поры меня не отпускали,
И вместе с памятью напоминали,
О том прощении, которого всё ж нет,

Как видно разница между желанием,
И той возможностью простить,
Это как пропасть между гор и оснований,
Которую никак не одолеть.

Гуманное лихо

Он был не молод, но был зубаст,
И смело он кидался на защиту дома,
Того контейнера, где не родился,
Но подрос,
Куда бесчеловечною рукой
На веки был определен,
Где на износе жизни доживал,
Всё думая о неизбежном.

Мохнатый, с мощной грудью тот кобель,
Что охранял район свой рьяно,
Он периодом ждал людей,
Что выкинули на помойку лихо,
Он жил, зверел и матерел,
И становился тем подобием людей,

Что так бесчеловечно поступили с тем,
Кто преданно ещё тогда,
Слепым кутёнком,
Когда не видел этот мир,
Смотрел на человека.

Он верил, будет хорошо,
Он верил в дружбу,
Верил в чувства,
В итоге же, когда он постарел,
Сумел лишь на мохнатой шее, той,
Что ошейник, надетый человеческой рукой,
Он сохранить на память.

О том, что было, но могло не быть,
Когда б не стал он зверем,
Уже в начале жизни получив
Урок от человека-зверя,
Что выкинул своей звериною рукой,
Пса кобеля на ту помойку,

Которую он рьяно охранял,
Играя в карты с подлой жизнью,
Где нету места всё ж тому добру,
Что назван человеком,
Гуманным жестом, по всему,
Оставшись лишь гуманным лихом.
Простить могу, давно простила,
Забыть всё как-то не могу,

То свойство памяти, которая не отпускает,
А держит цепко-крепко в объятиях своих.

Возможно, до конца и не простила,
Хотя всегда хотела и за всё прощать,
Но вот момент предательства не позабыла,
Хотя по-прежнему верна была.

Все скинуть на не лучшие условия той жизни,
В которой предали меня,
Не вытащив всё ж из огня,
Когда огонь той адской боли,
До каждой мышцы поглощал меня,
И я кричала, не прося пощады,
Ну, просто боль невыносимо жгла,

Мне говорили, что не надо,
Так разговаривать хотя болит,
Я не пыталась зажиматься,
Боль тоже не желала отпускать меня,
Когда предательство то состоялось,
Уже и выздоровела я.

И что мешало мне забыть о той же боли?
О ней забыла я давно,
Я помню только как всё ж предавали,
Давно простив и навсегда,

Оставив в прошлом все детали,
Но чёрт возьми, они же жгли!
До сей поры меня не отпускали,
И вместе с памятью напоминали,
О том прощении, которого всё ж нет,

Как видно разница между желанием,
И той возможностью простить,
Это как пропасть между гор и оснований,
Которую никак не одолеть.

Договор со злым сатиром

Он душу продал свою злему сатиру,
Отдал за страдания свои все в душе,
Что б чёрт тот с рогами, сатир неумный,
Всё мучил его и таскал за мембраны,
Души той порывы, где муки жили.

А он свой талант, что в миру всё ж имел он,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.